

Т. В. Костина

«О АКАДЕМИИ УЧЕНЬЯ ЯЗЫКАМ»:
ПРЕПОДАВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ
В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ 1726–1727 ГОДОВ¹

Перестройка общественной жизни, появление новых для России типов учебных заведений, реформы языка и шрифта, осуществленные в Петровскую эпоху – вопросы, занимающие не одно поколение исследователей². Начавшая образовательную деятельность в январе 1726 г. Академическая гимназия, казалось бы, уже не принадлежит Петровскому времени. Однако представляется, что изучение ее проектирования и начального направления деятельности, а также самого первого состава ее учеников и их образовательного уровня может дополнить общую характеристику результатов деятельности Петра I в области образования, показав, на изучение каких языков и на каком уровне существовал в Петербурге запрос к окончанию деятельности реформатора.

Преподавание языков с первых дней стало основной составляющей курса Академической гимназии. Но на этапе проектирования Петербургской академии наук в различных документах (в которых Академической гимназии, вообще, уделялось очень мало внимания) обучение языкам то указывали как одну из основных функций Академии, то не указывали вовсе. Например, в заглавие статьи вынесен фрагмент названия именного указа Петра I от 20 января 1724 г., в тексте которого говорилось «о Академии, в которой бы языкам учились, также прочим наукам и знатым художествам и переводили книги». Однако этот документ не определял деятельности Академии наук. Из-за преждевременной кончины Петра I финансирование Академии наук, ее штат и внутреннее устройство оказались зависимы от так называемого «Проекта положения об учреждении Академии наук и художеств» от 22 января 1724 г. О преподавании языков в нем не упоминалось вовсе, не назначались специальные учителя иностранных языков. О гимназии и ее преподавателях вообще было сказано кратко. Студенты, получающие жалованье, должны были, «науку принявши и пробу искусства своего учинивши, младых людей в первых фундаментах обучать»³. Также при подписании Проекта Петр I собственноручно сделал важное примечание: «Надлежит по два человека еще прибавить, которые из словенского народа, дабы могли удобнее русских учить, а каких наук написать именно»⁴. Опыт существования Навигацкой школы показывал, что сложности с пониманием иностранных учителей у учеников возникали, и совсем игнорировать эту проблему было нельзя⁵.

Краткость петровского Проекта, отсутствие указаний на преподавание в Академической гимназии языков породили затруднения при ее устройстве: непонятно было, каким

языкам учить детей, в каком объеме, а также кто это должен делать. Первая проблема, по видимому, была сформулирована в запросе Сената от 17 сентября 1724 г. В ответном на него доношении от 25 сентября лейб-медик Л. А. Блюментрост, вместе с И. Д. Шумахером занимавшийся первоначальным устройством Академии наук, указал на языки, которые необходимо изучать студентам третьей «степени», т. е. класса Академии: латинский, греческий, французский и итальянский⁶. Позднее, 28 декабря 1724 г., в другом доношении от Академии Сенату уточнялось, что лекции в университете будут читаться на латинском, но в нижних школах необходимо учить не только латинскому, но и немецкому, французскому, греческому и другим языкам – «отчасти для книг, которые на оных языках писаны, отчасти ж для конверзации», т. е. для устного общения на них⁷. Причем предполагалось, что даже те, кто готовится к художествам и к работе в мастерских, а не к наукам, «в элементах арифметики и в латинском обучены бываю»⁸.

Нужно сказать, что выбор преподаваемых языков, за исключением латинского, необходимого для университетских преподаваний, на тот момент не был очевиден. Например, барон де Сент-Илер, представивший в 1715 г. Петру I проект учреждения Академии (морской), предполагал, что «все экзерциции будут делать на голандском и немецком языках, для того что морское установление учреждено будет против порядку сих земель»⁹. В духовных учебных заведениях с начала XVIII в. наряду с латинским и греческим уделялось внимание древнееврейскому, что было актуализировано и «Духовным регламентом» 1721 г.¹⁰ Характерно, что в списке обсуждаемых языков даже не фигурирует польский, влияние которого оставалось в первой четверти XVIII в. значительным¹¹. Участие Академии наук в ускорении процесса его вытеснения из культурного поля российского общества еще предстоит изучить.

Более подробный план учебных занятий в Академической гимназии был сформулирован в Регламенте, представленном Блюментростом на утверждение в конце 1725 г. Ю. Х. Копелевич писала о нем: «Об авторах (вероятно, среди них были и академики) Регламента и истории его написания сведений не сохранилось. Но текст его известен. Он не был ни подписан, ни опубликован (видимо, потому что исполнение его требовало дополнительных средств). Но этот документ очень ценен тем, что он отражает ряд положений, важных для нарождающейся Академии, но отсутствующих в петровском Проекте»¹². Хотя Регламент так и не был подтвержден, что стало большой проблемой для Академии, в значительной степени он был введен в действие, в том числе в отношении учебных заведений.

Регламентом предполагалось создание пятиклассной гимназии, в которой в первом классе ученики будут учиться «по латински и по немецки читати и обоих языков письмена изображати», а в пятом уже «предаватися будут онаго штиля экзерциции, которая упражняются в сочинении ораций и эпистолий (грамоток)... Такожде и греческаго, и французскаго, и италианскаго языков рачительство да не пренебрежется»¹³.

О том, как соблюдался этот Регламент на практике, мы можем до некоторой степени судить по отметкам в сохранившихся «Генеральном списке учеников, принятых в 1726 году в Гимназию Санкт-Петербургской императорской Академии наук» и «*Index discipulorum, qui Anno 1726 in Petropolitanum Gymnasium recepti sunt*», опубликованных в «Материалах для истории Императорской академии наук»¹⁴. Из этих же списков следует, что запрос на гимназическое образование, подразумевающее глубокое изучение иностранных языков, при открытии Академической гимназии в Петербурге, вообще,

оказался довольно высоким. За первые два года в Академическую гимназию поступило 172 ученика. Возможно, их было даже больше за счет вольнослушателей. Привлечение других источников и исследовательской литературы позволило выявить Иоганна Бергена, обучавшегося в Академической гимназии с 9 марта 1726 г. по вторую половину 1730-х гг., но не попавшего при этом в указанные основные списки¹⁵.

Поступившие ученики в самые первые годы могли изучать при Академии, по-видимому, только три языка: почти все они изучали в гимназии немецкий и латинский языки; также велось преподавание французского языка для ограниченного числа учащихся, среди которых были и такие, кто не посещал основных занятий. Основы греческого языка могли изучаться в высших латинских классах.

В «Index Discipulorum» ученики разделены на пять классов. В первое время соблюдался неконфирмованный Регламент и первый класс был самым слабым, а пятый – самым сильным. Однако уже 1 сентября 1726 г. инспектором гимназии был назначен Т. З. Байер, который начал ревизию и, по всей видимости, изменил значение нумерации классов на противоположное¹⁶. Самыми сильными классами стали первый и второй. Из-за этой перемены «Index Discipulorum» сложно использовать для получения общих данных о распределении учеников по классам. В «Генеральном списке учеников» они же разделены на три класса: «нижний», «средний» и «высший», от самого слабого класса («нижний») до объединенных по два уровня «среднего» и «сильного». По-видимому, это более простое деление использовалось на практике для разделения учащихся по учебным комнатам. При этом учитывалось знание не только латыни, но и немецкого языка. Таблица составлена на основе «Генерального списка учеников», с учетом доработки.

Таблица 1

Распределение поступивших в 1726–1727 гг. учеников по классам Академической гимназии

	Зачислено	В нижний класс	В средние классы	В верхние классы	На отдельные предметы	Класс не установлен
1726 г.	114	83	9	5	6	11
1727 г.	58	56	1	0	1	0
Всего	172	139	10	5	7	11

Обучение в Академической гимназии допускало посещение отдельных предметов по желанию учеников и их родителей. При этом только немец Семен Берген не взял языковых курсов, он учился архитектуре. Пять учеников выбрали из языковых занятий только уроки французского, а в дополнение к ним посещали рисование (четыре ученика) и фортификацию или архитектуру (четыре ученика). Это русские дворяне, сыновья подполковника Александр и Михаил Титовы, сын капитана Сергей Нестеров, уроженец Петербурга немец Иоганн Бишоф и Бернгард Вильгельм фон Ребиндер из Лифляндии. Будущий епископ Русской церкви, законоучитель Петра III и Екатерины II Симон Тодорский уже прошел к тому времени полный курс латинского языка в Киевской духовной академии и обучался в гимназии лишь немецкому языку, готовясь к отправлению в Галле.

Данные по национальной принадлежности основного состава учеников этого периода уже приводились в работах Э. Амбургера¹⁷ и В. Ржеуцкого¹⁸, однако нас национальный состав учащихся интересует в контексте их языковой подготовки на момент вступления в гимназию.

Таблица 2

Национальный состав учеников, определенных к изучению немецкого и латинского языков в 1726–1727 гг.

Ученики	Всего	Русские	Немецкоговорящие			Другие
				Род. в России	Род. в Лифляндии	
В низший класс	139 (100%)	91 (65,5%)	12 (8,6%)	20 (14,4%)	4 (2,9%)	12 (8,6%)
В средний и верхний классы	15 (100%)	5, в т. ч. 2 малоросса (33,3%)	3 (20%)	2 (13,3%)	2 (13,3%)	3 (20%)
Всего	154	96	15	22	6	15

Из таблицы видно, что русские дети в 95% случаев (91 из 96) оказывались без значительной подготовки и были определены в «низший» класс. Как следствие, 65,5% учеников этого класса составили именно русские дети. Исключениями стали пять учеников, обладавших достаточной подготовкой для определения в «средний» и «верхний» классы, из которых два малоросса и три русских, родившихся в Москве. Вторую по численности группу представили немецкоговорящие дети. Многие из них родились в России и, вероятно, были билингвами. 90% из этих детей поступало также в «низший» класс гимназии.

Национальная принадлежность остальных детей отличалась пестротой: три грека (Панаиота, в будущем лейб-медик Павел Захарович Кондоиди, Лука Адмирал, Георгий Биазо, оба из Смирны); два молдаванина (Григорий Бантыш и Петр Иоган Ратец. Их появление в гимназии было связано с Д. Кантемиром: Г. Бантыш был его двоюродным братом, а П. Ратец был сыном купца, добровольно закрепившего себя за Кантемиром)¹⁹; два поляка (Мартин Потапски, родившийся в Йоханнисбурге, ныне г. Пищ, до поступления в гимназию служивший у скончавшегося в 1726 г. профессора Н. Бернулли; и Михаил Иванович Шупинский, сын капитана из Смоленска); два француза (братья Петр и Степан Рамбуре, дети придворного танцмейстера Стефана Рамбуре); швед Карл Ульрих Штерншанц из Стокгольма; персиянин Адам Лазаревич Станиславский («сын купчины грузинского принца»); турок Адемир, кубанский татарин Илья Ильин, слуга сенатора В. Я. Новосильцева; Темирхан Ассамбек, сын одного из черкесских князей, присланный как заложник Петру I, Иоганн Генрих Томсон из Дудергофа (Ингерманландия) и Иоганн Паулсон, бывший сыном армянина и финки²⁰.

Можно сказать, что национальная принадлежность почти не сказывалась на определении в классы, несмотря на то, что для значительной части учащихся (по меньшей мере 28%) немецкий язык был родным. По-видимому, определяющим фактором при распределении по классам оказывалось знание латинского языка, а не немецкого.

Оценка уровня владения латинским языком в «Генеральном списке учеников» не приводилась, зато присутствует в «Index Discipulorum». Как уже указывалось, поначалу согласно Регламенту в первый класс определяли слабых учеников – тех, кто еще не приступал «к основам обучения латинского языка и грамматики» (как, например, грек Лука Адмирал). При этом они могли уже уметь читать и писать на латинском языке, как это было указано о Петре Васильевиче Алсуфьеве²¹. Во второй класс определялись уже обладающие некоторым знанием языка, но имеющие проблемы с грамматикой. Например, про Якова Степановича Коровина в «Index Discipulorum» было сказано, что он «в разговоре и показании авторов чуть-чуть обучен, но в основах грамматики оказал себя совершенно не знающим»; про Корнелия Даниэля Шредера – что он «обучался с юных лет. Выучил множество слов, но не продвинулся в склонении и спряжении»²². В третий класс, в котором продолжали заниматься грамматикой латинского языка, были зачислены будущий переводчик Академии наук Иоганн Каспар Тауберт, балтийский немец Герард Иоганн Вильде (сын капитана Иоганна Георга Вильде из Бауски, впоследствии кондуктор, дослужившийся к 1763 г. до майора Ингерманландского карабинерного полка) и родившийся в Москве Сергей Васильевич фон Беркауер²³.

Наибольший интерес представляют учащиеся, уже поступившие в Академическую гимназию с высоким уровнем владения латинским языком и определенные в четвертый и пятый классы. В них в 1726 г. попали Панаиота Кондоиди, Иван Федотьев, Василий Адогуров, малороссы Петр и Яков Мировичи; в 1727 г. Мартин Потапски.

Из перечисленных учеников в пятый класс были определены только братья Мировичи, которые лучше всех знали латинский и совсем не знали до определения в гимназию немецкого языка. Будучи детьми генерального есаула Ф. И. Мировича, служившего у Ф. С. Орлика, после измены отца (1709) они воспитывались в Чернигове у полковника П. Полуботка²⁴. Можно предположить, что своим образованием они были обязаны Черниговскому коллегиуму, находившемуся в эти годы в расцвете.

Где до Академической гимназии учился Федотьев, помещенный в четвертый класс, пока не установлено. Потапски учился в гимназии г. Ямбурга (учитель Петер). Оба они должны были изучать латынь в течение нескольких лет, поскольку их объединили в один класс с Кондоиди и Адогуровым. Панаиота Кондоиди до поступления в гимназию в 16 лет получил домашнее образование под руководством дяди, священника Анастасия Кондоиди, ставшего впоследствии епископом Суздальским и Вологодским Афанасием. В Index discipulorum про него указали, что он «поступил... посредственно обученным в латинском разговоре, понимании легких и средних классических авторов»²⁵. Сравнивая с более поздней, 1735 г., программой Академической гимназии, можно предположить, что в четвертом классе читали Юлия Цезаря и эпистолы Цицерона, а в высшем, пятом классе, другие сочинения Цицерона, а также Ливия и Вергилия²⁶. Адогуров до Академической гимназии учился в Новгородской школе Лихудов, затем в Славяно-греко-латинской академии (1723–1726) и при этом был определен не в пятый, а в четвертый класс, с отметкой: «достойно уже обучен в латинском языке». Он также не владел на момент поступления немецким языком и учил его уже в гимназии.

Последние два для доучивания латинскому языку были переданы Г. Ф. Миллеру, оставившему о них ценный отзыв в своей «Истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге»: «Афанасий Кондоиди, ученый грек, который впоследствии стал архимандритом и членом Священного Синода... пригласил в Петербург с острова Корфу

своего двоюродного брата (по более распространенной версии, Панайота Кондоиди был племянником Афанасия Кондоиди. – Т. К.), чтобы он обучился при Академии языкам и наукам. Василий Ададулов, молодой дворянин, родом из Новгорода, пришел по собственному желанию, страстно стремясь [участвовать в деятельности] Академии. Он подал просьбу, чтобы его зачислили учеником при Академии. У него было уже неплохое основание для знания латыни, заложенное в монастырской семинарии в Новгороде – подобно тому, как Кондоиди [усвоил начатки латыни] у себя на родине или, быть может, в Венеции. [Кондоиди и Ададулов] стали моими учениками. Однако я не понимал их языка, как и они моего»²⁷. Интересно, что засвидетельствованное Миллером незнание (или неглубокое знание) на тот момент Кондоиди и Ададуловым немецкого языка не помешало им быть зачисленными в высшие классы гимназии для подготовки к университету и, возможно, также объясняет их отделение от других учеников и поручение Миллеру.

Таким образом, несмотря на наличие альтернатив и обсуждение целого ряда языков, преподавание которых признавалось целесообразным при проектировании Петербургской академии наук, деятельность открытой в начале 1726 г. гимназии была направлена в первую очередь на серьезное (в пяти классах, ранжированных по уровню) преподавание латинского языка. Оканчивая программу, ученики должны были свободно читать античных авторов и владеть стилем.

Почти все ученики овладевали в гимназии немецким языком. Исключения составляли несколько человек, завершавших в гимназии подготовку к университету и определенных сразу в высшие классы, а также некоторые учащиеся, которые посещали Академическую гимназию не для того, чтобы освоить общую программу, а для занятия отдельными предметами. Таких было всего 4%, при этом только один не изучал иностранные языки. Эти 4% выбрали французский язык в сочетании с рисованием и сертификацией или архитектурой.

Появление гимназии, нацеленной на обучение, в первую очередь, немецкому и латинскому языкам, вызвало большой интерес в обществе, что проявилось в определении в нее в первые два года 172 учеников. Из них 15 обладало уже довольно серьезной языковой подготовкой, прошло до поступления грамматику латинского языка. Шесть из них (если ориентироваться на «Index Discipulorum», а не на «Генеральный список учеников») были определены в высшие, первый и второй классы. Можно с уверенностью утверждать, что более известным по исследовательской литературе В. Ададулову и П. Кондоиди не уступали в латинской образованности И. Федотьев и М. Потапски, а малороссы Петр и Яков Мировичи имели на момент поступления лучшую подготовку.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-31-01010-ОГН.

² Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1 : Введение в историю просвещения в России XVIII столетия; Рождественский С. В. Эпоха преобразований Петра Великого и русская школа нового времени. СПб., 1903; Анисимов Е. А. Время петровских реформ.

Л., 1989; Лапто-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М., 1990; Живов В. М. Язык и культура в России в XVIII веке. М., 1996; Николаев С. И. Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996; Рамазанова Д. Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Вознесенская И. А. Греческие школы Иоанникия и Софония

- Лихудов в начале XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Chrisidis N.* An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia. DeKalb (IL) : Northern Illinois University Press, 2016; *Посохова А. Ю.* Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М., 2016 и др.
- ³ Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. М., 2009. С. 49.
- ⁴ РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 98 об.
- ⁵ *Веселаго Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. С. 12.
- ⁶ МАН. СПб., 1885. Т. 1 : (1716–1730). С. 57.
- ⁷ Там же. С. 73, 75–76.
- ⁸ Там же. С. 73.
- ⁹ *Федюкин И. И.* Основание Морской академии: документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723 // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / сост. М. Лавринович, И. Федюкин. М., 2015. С. 58.
- ¹⁰ *Кислова Е. И.* Древнееврейский язык в православных учебных заведениях в России XVIII в. (к истории лингвистической компетенции церковной среды) // Вестник Московского университета. 2013. (Сер. 9 : Филология ; № 1). С. 39.
- ¹¹ *Николаев С. И.* О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII – начале XVIII века // Русская литература. 2015. № 2. С. 132–138.
- ¹² *Котелевич Ю. X.* Санкт-Петербургская Академия наук и власть в XVIII веке // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. С. 126.
- ¹³ МАН. Т. 1. С. 319, 320.
- ¹⁴ Там же. С. 217–232, 325–343.
- ¹⁵ МАН. СПб., 1887. Т. 4 : (1739–1741). С. 437; *Котелевич Ю. X.* Первые академические студенты // ВИЕТ. 1996. № 2. С. 14.
- ¹⁶ МАН. Т. 1. С. 210; СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 70. Д. 19. Л. 7.
- ¹⁷ *Amburger E.* Die nichtrussischen Schüler des Akademischen Gymnasiums in St. Petersburg 1726–1750 // Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Giessen, 1961. S. 183–213.
- ¹⁸ *Rjéoutski V.* Migrants and language learning in Russia (late 17th – first part of 18th c.) // Paedagogica Historica. 2018. Vol. 54. Issue 6. P. 691–703.
- ¹⁹ СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 70. Д. 20. Л. 3; Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 77.
- ²⁰ МАН. Т. 1. С. 330–343.
- ²¹ МАН. Т. 1. С. 227. За осуществленный здесь и далее перевод с латинского языка благодарю А. А. Костина.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 227, 229; [Wilde, Gerhard Johann] // Erik-Amburger-Datenbank. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=81035> (дата обращения: 08.05.2019).
- ²⁴ *Мирович, Пётр Фёдорович* // Иркутск : историко-краеведческий словарь. Иркутск, 2011. URL: <http://irkipedia.ru/node/957/all-dates> (дата обращения: 08.05.2019).
- ²⁵ МАН. Т. 1. С. 226.
- ²⁶ МАН. СПб., 1886. Т. 2 : (1731–1735). С. 674–675.
- ²⁷ *Миллер Г. Ф.* История Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // *Миллер Г. Ф.* Избранные труды / сост., статья, примеч. С. С. Илизарова. М., 2006. С. 552.